

Х.М. АКIEBA

Кандидат философских наук, доцент, ФГБОУ ВО «Ингушский государственный университет»

e-mail: petim@yandex.ru

H.M. AKIEVA

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Ingush State University

e-mail: petim@yandex.ru

DOI: 10.37485/1997-4663_2025_1_1_276_283

СИМВОЛИЗМ В ПЕЙЗАЖНОЙ ЖИВОПИСИ А. ХАШАГУЛЬГОВА

SYMBOLISM IN LANDSCAPE PAINTING BY A. KHASHAGULGOV

В статье рассматривается творчество прославленного ингушского художника, поэта и писателя Али Хашагульгова (1943–1999). Автор анализирует живописное наследие А.Т. Хашагульгова с точки зрения репрезентации смыслов ингушской традиционной культуры. Подчеркивается общая связь живописных полотен и стихотворного творчества Хашагульгова: поэзия художника позволяет прочувствовать концептуальные образы, создаваемые автором. Мистические мотивы А. Хашагульгова указывают на широкий круг размышлений художника о природе божественного, о сакральных смыслах прошлого, о добре и зле, о человеке. Главным «героем» в полотнах художника выступает природа, окутанная рефлексией человека о безмерном одиночестве перед лицом вечности мироздания. Загадочность мотивов его картин получает разрешение на базе символических кодов сакрального прошлого, в котором заложены основы существования ингушского народа, и именно с ним напрямую связана земная жизнь людей.

The article examines the work of the renowned Ingush artist, poet and writer Ali Khashagulgov (1943–1999). The author analyzes the artistic heritage of A.T. Khashagulgov, from the point of view of representing the meanings of Ingush culture. The general connection

between Khashagulgov's paintings and poetry is emphasized: the artist's poetry allows you to experience the conceptual images created by the author. A. Khashagulgov's mystical motifs point to a wide range of the artist's reflections on the nature of the divine, on the sacred meanings of the past, on good and evil, about man. The main «hero» in the artist's paintings is nature, shrouded in man's reflection on immeasurable loneliness in the face of the eternity of the universe. The mystery of the motives of his paintings is resolved on the basis of symbolic codes of the sacred past, in which the foundations of the existence of the Ingush people are laid, and it is with him that the earthly life of people is directly connected.

Ключевые слова: поэтико-живописное творчество, рефлексия, символизм прошлого, репрезентация действительности, сакральность пейзажных мотивов.

Keywords: poetic and pictorial creativity, reflection, symbolism of the past, representation of reality, sacredness of landscape motifs

Творчество А.Т. Хашагульгова и сегодня привлекает внимание исследователей. Обладая универсальным талантом поэта, писателя и художника, А. Хашагульгов достаточно много творил (к сожалению, большая часть его работ не сохранилась в связи с известными событиями чеченских войн). Научные исследования, в основном, посвящены анализу поэтического творчества автора, в то время как произведения живописи не подвергались искусствоведческому анализу [2; 3; 17; 10]. Такой подход позволяет увидеть лишь одну из сторон яркого самобытного таланта Хашагульгова, ограничивая спектр исследования. Между тем поэзия и живопись, пересекаясь едином пространстве творческой личности, несут в себе весь комплекс эмоций, чувств и переживаний автора, его субъективное восприятие мира. Рефлексия творческой личности отражает ее жизненный путь, позицию автора к проблемам действительности, отражает глубокие символы традиционной культуры, в связи с чем прояснение семиотики изобразительного творчества художника нуждается в сопряжении с его поэзией. Именно такой, цельный, взгляд на поэтико-живописное творчество Хашагульгова позволяет приблизиться к пониманию его своеобразной изобразительной формы репрезентации действительности, в полном объеме увидеть ее гуманистический, экзистенциальный и нравственный потенциал.

Исследуя символизм в пейзажной живописи А. Хашагульгова, автор опирался на научную традицию комплексного исследования, включающего исторический, иконографический, сопоставительный и интерпретационный анализы. Такая ведущая категория мифолого-эпического сознания, как сакральное, более изучена в рамках философских или культурологических исследований, нежели в искусствоведческих, в связи с чем раскрытие сакральных смыслов в полифонической структуре полотен художника потребовало междисциплинарного подхода. Соответственно, в статье были использованы источники из разных научных сфер [9; 14; 4; 5; 7; 8; 1; 16].

Принимая во внимание, что живопись и поэзия имеют свои пределы в средствах описания («живопись — это немая поэзия, а поэзия — это слепая живопись» [6, с. 70]), полагаю, что именно их слияние позволяет прочувствовать концептуальные образы, создаваемые автором. Истина произрастает из сопряжения этих двух граней творчества художника. Если поэзия, организуя особым авторским образом знаки обыденного языка (повседневного общения), создает новые смыслы, то живопись «правомерно рассматривать как результат искусного использования некоторых невербальных кодов, действующих за пределами художественной сферы» [15, с. 149–175].

Художественное видение А. Хашагульгова подобно его нерифмованному трехстишью (или своеобразно рифмованному трехстишью), в котором автору не нужно много слов, чтобы рассуждать о сложных философских понятиях. Такая оригинальная поэтическая форма изложения А. Хашагульгова, при всей лаконичности, вбирающая глубокие близкие фольклорным смыслы, выделена в особый жанр «эртассар» — «установленная связь» [10]. Диалектика данного ингушского жанра поэзии, отражающего противоречивое взаимодействие собственного «я» (инг.: «со») и окружающего пространства (инг.: «а») получила свое визуальное звучание в живописи Хашагульгова. В каждом видимом отображении пространства присутствуют условные знаки, смысловые коды, которые художник предлагает разгадать: «Много тысяч лет назад (закодированное нами в знаки / расшифровывая), видим мы сейчас» [11, с. 45].

Каждое полотно А. Хашагульгова поражает оригинальной сложной композицией, красочностью и неожиданностью цветовых переходов. Погружая реальность в несуществующий субъективный мир, А. Хашагульгов синтезирует тайну. Часто символизм художника выходит за

пределы изображаемого, либо фрагмент реальности погружен в магическую атмосферу. Мистические мотивы А. Хашагульгова указывают на более широкий круг явлений, они открывают новые возможности размышлений о природе божественного, о сакральных смыслах прошлого, о добре и зле, о человеке.

Рефлексия художника выглядит настолько яркой, что самое невероятное и надуманное выглядит правдой жизни. Например, «Этюд с елью», в котором автор создает недвижные, говорящие цветным языком валуны, хранящие в себе наследие прошлого, — они дышат, живут, мыслят.

Камни, камни, камни...

Много нужно камней, чтобы возвести одну башню.

Чтобы построить много башен — еще больше.

Для грядущего собираю я камни.

Строителей не будет, если не будет камней.

И башен не будет тогда в Ингушетии.

Ингуши не будут ингушами [12, с. 29].

Прекрасное в контексте хашагульговской поэтики наполнено космогонией традиционной ингушской культуры. Все в этой картине символично — и древо, олицетворяющее цикличность жизни, и каменная твердь как место рождения и обитания ингушских божеств [1, с. 5–16]. Концентрацией обобщенного смысла у А. Хашагульгова здесь выступает художественный образ — ель, лишенный абстрактной отвлеченности: она обращена корнями и питается соками земли, также как человек «питается» обычаями и ценностями традиционной культуры.

Пересечение коротких округленных линий очерчивает скальную породу, а цветовые переливы сияющего благородством ультрамарина и роскоши желтого, словно драгоценные камни, спрятаны в недрах изумрудно-зеленых камней. Волшебный отблеск их мерцающего сияния, как калейдоскоп огней, устремленных вверх, создает динамику

Рис. 1. А.Т. Хашагульгов. Этюд с елью. 1987 г. Государственный музей изобразительных искусств, Республики Ингушетия

полотна. Энергетическое напряжение композиции усиливается ракурсом изображения снизу, что позволило художнику большую часть работы отдать изображению скальной породы. Замыкая пространство картины утесом с одиноким деревом, автор еще более подчеркивает общее звучание полотна. Мотив одинокого дерева на фоне монументальных скал является частым в творчестве художника (например, «Горы», 1991 г.).

Рис. 2. А. Хашагульгов. Горы. 1991 г. Государственный музей изобразительных искусств, Республики Ингушетия

Фантастичность, волшебство или космический код часто выделяемые исследователями живописи А. Хашагульгова, неслучайны, это принципиально важные ориентиры, позволяющие проникнуть в мир визуально-поэтических метаморфоз художника. Весь космический размах каменных гряд, обращенный к одинокому дереву, рождает ощущение связи с событиями прошедших поколений. Собственно, образ одинокого покосившегося, но не сломленного ветрами дерева выступает в картинах художника аллегорией судьбы ингушского народа, пережившего депортацию 1944 г. и политические репрессии.

Советская действительность, в которой был рожден А. Хашагульгов, открывала творческий путь только профессиональных живописцев. Официоз накладывал на художников обязательства следовать канонам социалистического реализма, без каких-либо вольностей, фантазии или аморфности образов, требовал соблюдения тематических приоритетов жизни советского народа — строителя коммунизма. Здесь не могло быть и речи о фиксации в картинах рефлексии художника, его видения отраженной и осмысленной реальности. Взгляд с этой стороны на творческое наследие А. Хашагульгова показывает, что художественные мотивы его полотен выходят за рамки навязанной властью эстетики, они абсолютно противоположны требуемому клише. Творчество А. Хашагульгова — «неофициальное» искусство, в котором автор выражал свой взгляд, наполненный глубокими смыслами народной архаики.

С другой стороны, как правило, становление большинства художников, их стилистических приемов, техники, композиционных ре-

шений и т. д. происходит под влиянием учителя или той школы, в которой закладывались основы их профессиональных качеств. Али Хашагульгов не входит в число таких. Он самоучка; самобытный стиль художника нельзя отнести к наивному искусству или ар-брюту, или к любому другому непрофессиональному искусству. Собственно, работы художника тяжело структурировать: философская интерпретация реальности и колористика в определенной мере близки раннему Кандинскому. Автор все больше стремится уйти от предметности изображения, передавать на холсте чувства, а не детали действительности. Даже самые простые полотна просты лишь на первый взгляд. Так, в картине «Сенокос» каждый сноп сена выглядит как остров-муравейник, в котором кипит своя жизнь.

Рис. 3. А. Хашагульгов. Сенокос. 1989 г. Государственный музей изобразительных искусств, Республики Ингушетия

Практически во всех работах А. Хашагульгова периода творчества 1980 – 1990 гг. (таких как «Некрополь», «Башня на черной скале», «Грозненское море», «Пейзаж с башней», «Зной», «Башни и скалы», «Ночь» и т.д.) мы видим размытые очертания предметов и свободные мазки, характерные для постимпрессионизма. Акцент на символическом содержании, передача длительного состояния чувственного мира, обращение к вечным ценностям — надежда, вера, любовь, боль, жизнь и смерть — вот то, что интересно художнику. Вглядываясь в любое полотно художника, можно услышать его поэзию:

*Гора, как можешь быть
Ты такой высокой?
Ведь гроза, ветер, облака
В первую очередь врезаются в твое сердце [12, с. 79]!*

Таким образом, при всем разнообразии пейзажной живописи, через лиризм материального (гор, неба, склепов, пещер, башен, земли т. д.) А. Хашагульгов раскрывает первозданную красоту природы и гармонию человеческой сущности. Природа в полотнах художника выступает

главным «героем»: она окутана философскими размышлениями человека об одиночестве перед лицом вечности мироздания. В поиске ответов на судьбоносные вопросы А. Хашагульгов обращается к ценностям ингушской традиционной культуры. Загадочность мотивов его картин получает разрешение на базе символических кодов сакрального прошлого, в котором заложены основы существования ингушского народа, и именно с ним напрямую связана земная жизнь людей.

*Все здесь как песня:
дождями омытые камни,
серые, бурые скалы,
рябые от ветра,
мхом зеленым покрытые
древние сосны,
темные, влажные
своды и стены в пещерах,
где и без солнца —
я видел — цветы вырастают...
Все здесь наполнено
пращуров жизнью высокой;
в камешке, деревце каждом
оставлены ими
нам, приходящим,
заветы, законы и знаки [14].*

Список литературы:

1. Акиева П.Х. Архитектоника космогонических представлений в нартском эпосе ингушей // Нартоведение в 21 веке: проблемы, поиски, решения. Материалы Международной научно-практической конференции. — Магас, 2016. — С. 5–16.
2. Газдиев А.И. Али Хашагульгов: судьба и творческое наследие // Наследие веков. — 2016. — № 4. — С. 75–80.
3. Гориханова Т.Х. Али Хашагульгов. неисследованная проза // Российский научный журнал. — 2015. — № 5 (48). — С. 214–217.
4. Виннер Б.Р. Введение в историческое изучение искусства. — Москва, 2004. — 364 с.
5. Кассирер Э. Философия символических форм. Том 2. Мифологическое мышление / перевод с немецкого С.А. Ромашко. — Москва-Санкт-Петербург: Университетская книга, 2002. — 280 с.

6. Книга о живописи мастера Леонардо до Винчи живописца и скульптора флорентийского / перевод А.А. Губера, В.К. Шилейко. — Москва, 1934. — 384 с.
7. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. — Москва, 2014. — 736 с.
8. Лотман Ю.М. Об искусстве. — Санкт-Петербург, 1998. — 704 с.
9. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. — Москва, 2000. — 407 с.
10. Хадзиева А.А. Тема любви в творчестве Али Хашагульгова // Российский лингвистический бюллетень. — 2023. — № 8 (44). — URL: <https://rulb.org/archive/8-44-2023-august/10.18454/RULB.2023.44.2> (дата обращения: 29.01.2025).
11. Хашагульгов А.Т. Болх. Ломан Гуйре. — Грозный, 1989.
12. Хашагульгов А.Т. Лоаме. Стихаш. — Грозный, 1985.
13. Хашагульгов А.Т. В Шоанском ущелье // Две линии одной судьбы / перевод Р. Цурова. — URL: <https://right-partner.ru/projects/article/214?ysclid=m6v0skjj7q286240957> (дата обращения: 07.02.2025).
14. Хренов Н.А. Воля к сакральному. — Санкт-Петербург, 2006. — 571 с.
15. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиотику. — Санкт-Петербург, 1998. — 544 с.
16. Элиаде М. Ностальгия по истокам / перевод с французского. — Москва, 2006. — 216 с.
17. Яндиева М. Философская лирика в поэзии Али Хашагульгова // Инновационные технологии современной научной деятельности: стратегия, задачи, внедрение. Сборник статей Международной научно-практической конференции. — Уфа, 2023. — С. 94–97.